

<https://doi.org/10.15690/vsp.v20i2.2254>Р.С. Серебряный¹, О.В. Яремчук², С.А. Шер³¹ Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко, Москва, Российская Федерация² Самарский медицинский колледж им. Н. Ляпиной, Самара, Российская Федерация³ НИИ педиатрии и охраны здоровья детей ЦКБ РАН, Москва, Российская Федерация

Охрана здоровья детей раннего возраста в Самарской области (1918–1940 гг.)

Контактная информация:

Шер Стелла Абельевна, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник отдела социальной педиатрии и мультидисциплинарного сопровождения детей НИИ педиатрии и охраны здоровья детей ЦКБ РАН

Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 10, стр. 1, e-mail: anastel@mail.ru

Статья поступила: 19.03.2021, принята к печати: 26.04.2021

Статья посвящена вопросам охраны здоровья детей раннего возраста в Самарской области в период с 1918 по 1940 г. Целью работы было показать на основании архивных и литературных источников процесс эволюции охраны здоровья детей первых трех лет жизни в Самарской-Куйбышевской области в 1920–1930-е гг. Результаты историко-медицинского исследования продемонстрировали, что в указанный период детское здравоохранение Самары-Куйбышева достигло значительных успехов в направлении создания обширной сети городских и сельских детских учреждений (детские консультации, ясли, молочные кухни). В регионе значительно возрос кадровый потенциал, повысилась квалификация врачей и среднего медперсонала, что позволило улучшить качество оказания медицинской помощи первичного звена детям и способствовало снижению детской смертности, включая младенческую. Вместе с тем выполненный анализ обнажил остро стоявшие перед детским здравоохранением Самары проблемы. Архивные материалы по Самарской области ярко характеризуют ситуацию с охраной здоровья детей в стране в трагические годы голода (1921–1922 и 1932–1933), которые сопровождались ростом детской заболеваемости и смертности. Статистические данные показали, что даже в 1937 г. в районах, пострадавших от голода, наблюдалась естественная убыль населения. Результаты изучения эволюции охраны здоровья детей раннего возраста в Самарской области в первые два десятилетия существования Советской России могут быть использованы в учебном процессе по истории отечественной педиатрии для студентов самарских медицинских колледжей, ВУЗов, при решении важнейшей историко-медицинской задачи — создания фундаментального труда по истории охраны здоровья детского населения в Советском Союзе.

Ключевые слова: охрана здоровья детей раннего возраста в Самаре-Куйбышеве (1918–1940 гг.), рождаемость, детская заболеваемость и смертность, голод 1920-х и 1930-х гг., детские консультации, ясли

Для цитирования: Серебряный Р.С., Яремчук О.В., Шер С.А. Охрана здоровья детей раннего возраста в Самарской области (1918–1940 гг.). Вопросы современной педиатрии. 2021;20(2):110–115. doi: 10.15690/vsp.v20i2.2254

Roman S. Serebryaniy¹, Oksana V. Yaremchuk², Stella A. Sher³¹ Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russian Federation² Samara Medical College n.a. N. Lyapina, Samara, Russian Federation³ Research Institute of Pediatrics and Children's Health in «Central Clinical Hospital of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russian Federation

Young Children's Healthcare in Samara Region in 1918–1940 Years

The article is devoted to the young children's healthcare in Samara region in the period from 1918 to 1940. The aim of the study was to demonstrate the evolution of healthcare system for children of the first three years of life in Samara-Kuibyshev region in the 1920–1930s (according to archival and literary sources). The results of historical and medical research have shown that children's healthcare in Samara-Kuibyshev region during this time period achieved significant success in implementation of urban and rural children's institutions (children's health centers, nurseries, infant-feeding centers). Human resources increased significantly, medical staff qualification improved. All that together led to enhancement of children primary care, children and infants mortality decrease. At the same time, the performed analysis has revealed the crucial problems of children's healthcare in Samara. Archival materials from Samara region characterize the situation with children's healthcare in the country in general during the tragic years of famine (1921–1922 and 1932–1933). These years were accompanied by increase of children morbidity and mortality. Statistics has shown that the areas affected by famine had natural decline in the population even in 1937. The results of this research of evolution of healthcare system for young children in Samara region during first two decades of Soviet Russia can be used in the educational process (history of pediatrics) of students in Samara medical colleges and universities, they can assist with creation of fundamental work on the history of children's healthcare in the Soviet Union.

Key words: infants' healthcare in Samara-Kuibyshev in 1918–1940 years, birth rate, children morbidity and mortality, famine of 1920s and 1930s, children's health centers, nursery

For citation: Serebryaniy Roman S., Yaremchuk Oksana V., Sher Stella A. Young Children's Healthcare in Samara Region in 1918–1940 Years. *Voprosy sovremennoi pediatrii — Current Pediatrics*. 2021;20(2):110–115. doi: 10.15690/vsp.v20i2.2254

ВВЕДЕНИЕ

Прошло 30 лет после распада СССР, и анализ советской эпохи становится насущной историко-медицинской задачей. В полной мере сказанное касается такой важнейшей медико-социальной проблемы, как охрана здоровья матери и ребенка и в первую очередь — детей раннего возраста [1].

Целью нашей работы было изучение эволюции системы охраны здоровья детей раннего возраста в Самарской области* в период с 1918 по 1940 г.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Источниками информации являлись документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального Госархива Самарской области (ЦГАСО), Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ), Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, отдела специальных фондов и реабилитации информационного центра ГУ МВД России по Самарской области, а также научные труды советских ученых-педиатров и организаторов детского здравоохранения. В работе использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, системно-структурный и социально-гигиенический методы анализа.

Актуальность и значимость проблемы становления и развития охраны здоровья детей первых 3 лет жизни на территории Самарской губернии — Куйбышевской области во многом определили следующие причины. Во-первых, Самарская губерния находилась в эпицентре гражданской войны. Яркое свидетельство тому то, что Самара в 1918 г. даже в течение 4 мес являлась столицей Российской Республики [2]. В таком качестве она была объявлена противниками большевиков Комитетом Членов Всероссийского Учредительного Собрания (КОМУЧ) [2]. Во-вторых, располагаясь в Поволжье, Самарская губерния оказалась в эпицентре жестокого голода 1921–1922 гг., а также голода, спровоцированного коллективизацией начала 1930-х гг. [3, 4]. Следует помнить и о том, что Поволжский регион, представителем которого является Самарская область, в свою очередь, типичен для всей европейской России. Результаты анализа развития системы охраны здоровья детей раннего возраста в Самарской области в первые два десятилетия существования Советской России могут быть впоследствии использованы для решения важнейшей историко-медицинской задачи — создания фундаментального труда по истории охраны здоровья детского населения в Советском Союзе.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В первые годы Советской власти в стране сложилась тяжелейшая ситуация, обусловленная чрезвычайными политическими, экономическими и социальными проблемами: гражданская война, разруха, страшный голод, вспышки инфекционных заболеваний, высокая детская смертность, борьба с которой являлась первоочередной задачей и на тот момент априори была невыполнимой. В сложной обстановке даже учет рождаемости и смертности в стране в целом и в частности в Поволжье не представлялся возможным. В то же время имеется информация о том, что в 1918 г. в Самарской губернии рождаемость составляла только 5,1 младенца на

1000 жителей [5]. Это свидетельствовало о ее резком падении, хотя, учитывая ситуацию, нет уверенности в точности показателя.

Страшной трагедией являлось большое число беспризорных больных детей-подкидышей грудного возраста, смертность среди которых составляла от 40 до 60% [6].

Для решения проблем рождаемости, детской заболеваемости и смертности созданному Советскому государству была необходима организация, координирующая работу в области охраны здоровья женщин и детей. В 1918 г. при Наркомате государственного призрения (в дальнейшем Наркомат социального обеспечения) был основан Отдел охраны материнства и младенчества (ОММ) [7]. Учрежденная при Отделе Коллегия поставила важнейшую задачу по созданию единой государственной системы охраны здоровья матери и ребенка, сети учреждений ОММ по всей стране, подготовке кадров, в т.ч. руководителей здравоохранения, педиатров и медперсонала среднего звена. Аналогичная структура, ответственная за ОММ, была образована в конце 1918 г. в Самаре. В начале 1919 г. деятельность Отдела возглавил доктор Л.Я. Флаум [8].

Отдел ОММ Наркомата социального обеспечения предложил создать два типа учреждений: открытого типа (женские и детские консультации, ясли, молочные кухни) и закрытого типа (дома матери и ребенка, приюты для грудных детей 1–3 лет) [1]. Благодаря активной деятельности Отдела ОММ, руководимого В.П. Лебедевой и перешедшего в 1920 г. в ведение Наркомата здравоохранения, число учреждений ОММ с 1918 по 1920 г. значительно возросло: консультаций — с 16 до 64, яслей — с 16 до 88, домов матери и ребенка — с 1 до 31, приютов для детей — с 22 до 255 [7].

Однако ситуация в Москве и регионах определялась как неравнозначная. В столице Отдел ОММ с 1918 по 1922 г. открыл 20 детских консультаций с молочными кухнями, значительное число детских яслей, домов младенца, детских домов, домов матери и ребенка, общежитие для беспризорных матерей на 120 человек, что позволило за первые 6 мес уменьшить на 40% число подкидышей [9]. К 1925 г. в Москве доля закрытых заведений ОММ сократилась до 15%, при этом увеличилось число открытых учреждений ОММ. В 1928 г. в Москве насчитывалось 34 детские консультации [1].

На периферии положение дел складывалось значительно сложнее, чем в центре. Только в 17 регионах РСФСР работали учреждения ОММ [7]. Так, в 1918 г. в Самаре функционировали всего 2 Дома матери и ребенка на 135 коек и детский приют на 30 коек [10]. Этого было явно недостаточно. В 1921 г. в Самарской губернии насчитывалось 6 Домов матери и ребенка на 410 коек, 20 домов ребенка на 965 коек, 5 примитивных яслей на 200 коек, но они практически не функционировали [11]. Консультации для беременных и кормящих матерей не создавались. В Самаре детям до 3 лет амбулаторная помощь оказывалась всего в одной небольшой консультации с молочной кухней, которая готовила молочные смеси для всего детского населения города [11].

Активная деятельность Самарского отдела ОММ позволила добиться значительных успехов. К 1925 г. в Самарской губернии удалось увеличить число яслей до 72, а число детско-женских консультаций стало в 2,2 раза больше, чем в соседних Ульяновской и Саратовской губерниях [12, 13].

* Самарская губерния преобразована с 1928 г. в Средневолжскую область, в 1929 г. была переименована в Средневолжский край, в 1935 г. — в Куйбышевский край, а Самара — в г. Куйбышев. 5 декабря 1936 г. Куйбышевский край стал именоваться Куйбышевской областью. В 1991 г. Куйбышев вновь был переименован в Самару.

Анализируя период становления ОММ, следует остановиться на ситуации, связанной со страшным голодом, разразившимся осенью 1921 г. в связи с неурожаем, вызванным засухой, на обширной территории РСФСР. Голод распространился на 16 регионов, включая Самарскую губернию [14].

По данным учрежденной ВЦИК Деткомиссии от 25 декабря 1921 г., «голод охватил 25 млн населения, из них 25–30% детей, т.е. около 8 млн» [14]. По состоянию на 1 января 1922 г. из 2 775 495 жителей Самарской губернии (2 438 379 сельских и 337 116 городских) голодало 86,7% населения [3].

Плохие социально-экономические условия, недостаточное питание стали причиной гипотрофии детей, их отставания в физическом и нервно-психическом развитии, повышенной заболеваемости и смертности [15]. О высокой детской смертности говорили слова очевидца, опубликованные в газете «Сызранский коммунарь» за март 1922 г.: *«Зайдешь в какую-нибудь избушку, смотришь, в углу беспомощно барахтается ребенок, он едва дышит и с трудом испускает страдальческие крики. Через день, два его, наверное, уже не станет. Над малюткой не рыдает мать — она тоже лежит, так же ждет своего последнего часа»* [16].

В связи с чрезвычайной ситуацией в Поволжье было принято решение об эвакуации голодающих детей в благополучные регионы: Ярославль, Брянск, Новгород, Житомир, Винницу, Гомель, Минск, Барнаул, Самарканд, Тифлис и другие города. Детей вывозили санитарными поездами и пароходами. Всего за период с 1 августа 1921 г. по 1 февраля 1922 г. из Самарской губернии было эвакуировано 269 669 детей [17].

В сообщении уполномоченного по сопровождению голодающих детей из Самары в Самарканд: *«...14 октября 1921 г. с утра была начата погрузка детей на санитарный поезд № 37. Дети были взяты из приемника № 4 и парохода, прибывшего из г. Балаково... Во время пути среди сопровождающего персонала и детей открылись массовые заболевания тифами, малярией и кровавым поносом, персонал, за исключением 7 или 8 человек, переболел весь, среди детей заболеваемость достигла 28%. Смертность также была велика. Умерло: 1 няня и 37 из 424 детей. Самарканд принял наших детей очень недоброжелательно»* [18].

Несмотря на то что тема помощи голодающим выходит за рамки данной статьи, отметим, что большую поддержку оказали отечественные и зарубежные общественные организации: Фонд помощи голодающим Поволжья, Детское эвакуационное бюро под руководством А.В. Луначарского, комиссия полярного исследователя Ф. Нансена, действовавшая под эгидой Международного Красного Креста, 15 религиозно-благотворительных обществ, американская организация помощи детям «Ара», английский благотворительный фонд Эглантин Джебб «Спасите детей» [1]. Здесь следует подчеркнуть, что вместо безмерной благодарности общественным зарубежным организациям за тысячи спасенных от голодной смерти детей местное партийное руководство (Самарский Губком РКПб) по идеологическим мотивам проявило к ним недоверие, потребовав контроля их работы по общественному питанию, подготовленному для голодающих [19].

С 1921 г. в Советской России проводилась новая экономическая политика (НЭП), благодаря которой наметилась стабилизация социально-экономической обстановки в Самаре и, как следствие, — некоторое повышение рождаемости, наблюдавшееся вплоть до конца 1927 г.,

когда началось сворачивание НЭПа [20]. Динамика рождаемости в Самаре в 1920-е гг. в абсолютных величинах: 1923 г. — 5 050, 1925 г. — 6 251, 1927 г. — 6 291, 1929 г. — 5 082 [21]. При этом младенческая смертность оставалась достаточно высокой — преимущественно за счет роста инфекционной заболеваемости (корь, скарлатина, брюшной тиф, дизентерия, токсическая диспепсия) [22]. В Самарской губернии увеличилось также число случаев туберкулеза среди младенцев — с 7 862 в 1924 г. до 10 970 в 1925 г. [23].

Конец 20-х — начало 30-х гг. можно охарактеризовать как период неуклонного увеличения числа учреждений ОММ. Так, число детских консультаций в городах страны за четыре года (1927–1931) выросло в 2,6 (с 595 до 1552), на селе — в 2,17 раза (с 391 до 850) [1].

В соответствии с III пятилетним планом (1937–1942 гг.) число самостоятельных детских консультаций в городах РСФСР увеличилось в 1,5 раза — с 1182 в 1937 г. до 1815 в 1940 г. [24]. В Самаре количество консультаций увеличилось с 21 в 1935 г. до 49 в 1939 г., т.е. в 2,3 раза [25].

Еще больше поражал рост ясельных мест в стране, число которых увеличилось за период 1937–1940 гг. в городских яслях в 5,7 раза (с 33 374 до 190 000), в постоянных сельских яслях — в 35 раз (с 1500 до 52 643) [1]. Колоссальный скачок числа ясельных учреждений (почти на 90%) в Самаре, получивший начало в 1925–1927 гг. [26], продолжился в 1930-е гг. Если в 1931 г. в Самаре функционировали 13 яслей на 560 мест, то к 1934 г. их число возросло до 26 на 1155 мест, т.е. ясельная сеть увеличилась на 100% [11]. С 1935 по 1939 г. в Куйбышевской области ясельная сеть выросла в 1,2 раза (с 138 яслей до 154). К 1940 г. область насчитывала 160 постоянных городских и сельских яслей [11].

В 1932–1933 гг. несколько регионов СССР, в т.ч. и Средневолжский край, охватил страшный голод. На эту тему в журнале «Вопросы современной педиатрии» № 4 за 2019 г. мы опубликовали подробную статью [27], поэтому здесь лишь немного коснемся этой трагедии. Естественно, что самой уязвимой категорией населения во время голода стали младенцы. Если в 1930 г. смертность детей до 1 года в Самаре на 100 родившихся составила 25,8, то в период голода в 1932 г. — 32,9 на 100 родившихся [28]. И, несмотря на то что в публикациях самарских авторов тех лет указывалось на успехи в области охраны здоровья детей раннего возраста, «выполнение пятилетнего плана по увеличению ясельной сети в городах в 1932–1933 гг. на 95%», укрепление местной системы ОММ [29, 30], архивные источники свидетельствуют о большом числе смертельных исходов от голода, свирепствовавшего в то время. Вот почему можно говорить о фальсификации данных в угоду существовавшим в 1930-е гг. властным структурам. В одном из рассекреченных архивных документов от 28 июня 1933 г. ответственный секретарь Сорочинского райкома ВКП(б) Средневолжского края информировал: *«В ряде колхозов района резко обострились продовольственные затруднения с опуханием и смертностью. В колхозе «Роза Люксембург» Маховского сельсовета с признаками опухоли от недоедания 185 человек, из них 35 человек лежат в постели и 95 человек худосочных... Положение настолько серьезное, что с каждым днем во многих колхозах жертвы увеличиваются»* [4].

Во второй половине 1932 и в первые месяцы 1933 г. в результате голода отмечалось практически повсеместное снижение рождаемости, рост числа мертворожденных и высокая младенческая смертность, обусловленная

острыми желудочно-кишечными заболеваниями (токсические формы дизентерии, брюшной тиф), сыпным тифом, бронхопневмонией, врожденной слабостью [31]. В Спасском районе Средневолжского края голодающие умирали от септической ангины, при которой летальный исход отмечался в 50–80% случаев. Голод способствовал подъему заболеваемости легочными формами туберкулеза, а также малярией [27].

Если в 1932 г. рождаемость в стране составляла 40 на 1000 населения, то в 1933 г. она снизилась до 22–25‰ среди сельского и до 12–17‰ среди городского населения, в то время как показатели смертности в 1933 г. достигли чрезвычайно высоких цифр — 60‰, в некоторых районах — около 80‰ [31]. В результате роста смертности и резкого снижения рождаемости в Средневолжском крае в 1933 г. наблюдался отрицательный естественный прирост населения [21].

Для преодоления тяжелых последствий голода, противодействия повышенной заболеваемости, нормализации физического развития детей первостепенное значение имели постоянно проводимые мероприятия по организации усиленного питания. В этот период в яслях Куйбышевской области действовали нормы питания с повышенной калорийностью для детей от 1 до 3 лет [32].

Благодаря принятому ЦИК и СНК СССР 27/VI-1936 г. Постановлению «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» государство провело ряд важнейших мер в области родовспоможения по снижению доли мертворожденных, по улучшению быта, повышению роста рождаемости как среди городского, так и среди сельского населения [33]. Вместе с тем следует сказать о негативных итогах постановления о запрете абортов. Если в 1937 г. число абортов снизилось более чем в 3 раза, то в 1938–1939 гг. увеличилось за счет нелегальных прерываний беременности (80–90% от общего числа операций), и, соответственно, выросла материнская смертность [34].

По сведениям годовых отчетов за 1936–1938 гг. из рассекреченных архивных документов Наркомздрава РСФСР, число родившихся в России составляло: 1936 г. — 3 676 301; 1937 г. — 4 219 508; 1938 г. — 4 216 094; 1940 г. — 3 644 12 [35].

Таким образом, в РСФСР в 1937 г. родилось на 543 207 детей больше, чем в предшествующем. Однако, несмотря на повышение рождаемости, на основе данных архивных документов обнаружена естественная убыль населения, особенно в пострадавших от голода районах, не успевших восстановить численность потерянного населения к 1937 г. Так, в Куйбышевской области в 1936 г. зарегистрирован наибольший уровень рождаемости (49,1 на 1000 населения), но и одновременно подъем показателя младенческой смертности, что отражено на рисунке [36].

Как продемонстрировали исследования, в Куйбышевской области в 1937 г. по сравнению с 1926 г. показатели убыли городского населения составили 7,8%. И еще больше — среди сельского населения (10,3%) [27, 31].

Огромная занятость людей в масштабном индустриальном и колхозном строительстве в 1930–1940-х гг. требовала увеличения числа и мощности учреждений ОММ. Если в 1931 г. в Самаре функционировали 13 яслей на 560 мест, то к 1934 г. их число возросло до

Рисунок. Рождаемость на 1000 населения, смертность детей до 1 года на 100 родившихся в Средневолжском крае — Куйбышевской области в 1934–1940 гг.

Figure. Birth rate on 1000 of population, children under 1 year of age mortality on 100 births in Middle Volga region — Kuibyshev region in 1934–1940 years

26 на 1155 мест, т.е. за 3 года ясельная сеть увеличилась на 100% [37]. В Куйбышевской области число яслей возросло в 1,2 раза: со 138 в 1935 г. до 154 в 1939 г. В 1940 г. насчитывалось 160 постоянных городских и сельских яслей [38].

Поскольку в Советской России остро стояла проблема дефицита кадров, то Отдел ОММ Наркомздрава с начала своей деятельности взял курс на организацию курсов для врачей и медсестер в области ОММ [39]. Первые такие курсы были открыты в Москве на базе Дома охраны младенца, реорганизованного в 1922 г. в Центральный научный Институт ОММ (ЦНИОММ). В Самарской губернии, как и в большинстве регионов, отмечался недостаток квалифицированного персонала [39]. В 1919–1920 гг. обучение медсестер для учреждений ОММ проводилось в Самарской фельдшерско-акушерской школе. Благодаря принятому Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 08.09.1936 № 1650 «О подготовке средних медицинских, зубоветеринарных и фармацевтических кадров» в 1930-е гг. кадровый потенциал в учреждениях ОММ постоянно нарастал. В Куйбышеве 19 мая 1940 г. сектор медобразования Облздравотдела направил в средние медицинские школы города и области информационное письмо № 2217\3-23 «О введении положения об экстернате на звание фельдшера, санитарного фельдшера, медицинской сестры и медицинской сестры детских учреждений, акушерки, лаборанта». В документе говорилось о необходимости улучшения подготовки сотрудников среднего медицинского персонала, находившихся на медицинских должностях, но не имевших соответствующего образования, а также прошедших курс обучения, выполнивших весь учебный план среднего учебного медицинского заведения, но не сдавших выпускных испытаний или утративших документы об окончании средней медицинской школы. В экстернате обучались медицинские сестры для работы в детских учреждениях [40].

Согласно сведениям архива Самарского медицинского колледжа им. Н. Ляпиной, в 1939 г. Самарскую фельдшерско-акушерскую школу окончили 2 группы ясельных сестер в составе 53 человек, в 1940 г. — 96 сестер и 60 акушерок. Помимо изучения методов оказания медицинской помощи, учащиеся обучались навыкам патронажной и воспитательной работы.

Огромную работу по подготовке медперсонала проводил Средневолжский (Куйбышевский) краевой науч-

но-практический институт охраны материнства и младенчества, осуществлявший в регионе последипломное повышение квалификации по ОММ врачей, медсестер, акушерок из районов [41]. За 1929–1939 гг. в краевом институте было подготовлено на краткосрочных курсах 250 врачей, 1950 медработников среднего звена, производственную практику прошли свыше 5000 студентов вузов и 480 учащихся фельдшерско-акушерской школы. Ежемесячно проводились расширенные межрайонные конференции и систематические занятия для акушерок и медицинских сестер сети ОММ [42].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный историко-медицинский анализ позволил оценить ситуацию, связанную со становлением системы охраны здоровья детей раннего возраста в Самарском регионе в 1918–1940 гг. В указанный период детское здравоохранение Самары-Куйбышева достигло значительных успехов в создании обширной сети городских и сельских детских учреждений (детские консультации, ясли, молочные кухни и др.). Кроме того, в регионе значительно возрос кадровый потенциал, повысилась квалификация врачей и среднего медицинского персонала, что позволило улучшить качество оказания медицинской помощи первичного звена детям и способствовало снижению детской смертности, включая младенческую. Изучение архивных данных обнажило остро стоявшие перед детским здравоохранением Самары проблемы. Архивные материалы по Самарской области ярко характеризуют ситуацию с охраной здоровья детей в стране в трагические

годы голода (1921–1922 и 1932–1933), сопровождавшиеся ростом детской заболеваемости и смертности. Даже 4 года спустя (1937 г.) в районах, пострадавших от голода, наблюдалась естественная убыль населения. Результаты изучения эволюции охраны здоровья детей раннего возраста в Самарской области в первые два десятилетия существования Советской России реализуются в учебном процессе для студентов самарских медицинских колледжей, работников детских дошкольных учреждений, поликлинической сети и могут быть использованы для решения важнейшей историко-медицинской задачи — создания фундаментального труда по истории охраны здоровья детского населения в Советском Союзе.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Не указан.

FINANCING SOURCE

Not specified.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы статьи подтвердили отсутствие конфликта интересов, о котором необходимо сообщить.

CONFLICT OF INTERESTS

Not declared.

ORCID

С.А. Шер

<http://orcid.org/0000-0003-4364-2604>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Альбицкий В.Ю., Шер С.А. *Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей в Советской России (1917–1930 гг.)*. — М.; 2018. — 224 с. [Al'bitskii VYu, Sher SA. *Istoki i stanovlenie gosudarstvennoi sistemy okhrany zdorov'ya detei v Sovetskoi Rossii (1917–1930)*. Moscow; 2018. 224 p. (In Russ).]
2. Матвеев М.Н. Территория КОМУЧа: [80 лет событиям 1918 г. в Самаре] // *Офис-Курьер*. — 1998. — № 1. — С. 10–18. [Matveev MN. *Territoriya KOMUCHa: [80 years of the events of 1918 in Samara]*. *Office-Courier*. 1998;(1):10–18. (In Russ).]
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Фонд Р-130. *Опись 1. Дело 91*. — Л. 67–70. [CSASR. (Central State Archive of the Samara Region). *Fund R-130. Inventory 1. Case 91*. L. 67–70. (In Russ).]
4. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Фонд 1141. *Опись 14*. — Ед. хр. 6. — Л. 119 об. [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SRSASPH). *Fund 1141. Inventory 14*. Archival unit 6. L. 119 reverse. (In Russ).]
5. *Пятилетний план здравоохранения Средневолжского края*. — Самара: Издание Средневолжского крайздравотдела; 1930. — С. 5. [Five-year health care plan of the Middle Volga region. Samara: *Izdanie Srednevolzhskogo krajzdravotdela*; 1930. p. 5. (In Russ).]
6. Боголепов П.П. Борьба с детской беспризорностью по линии охраны материнства и младенчества // *Охрана материнства и детства. Журнал для акушерок и сестер-воспитательниц*. — 1926. — № 12. — С. 26–28. [Bogolepov PP. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu po linii okhrany materinstva i mladenchestva. Okhrana materinstva i detstva. Zhurnal dlya akusherok i sester-vospitatel'nic*. 1926;(12):26–28. (In Russ).]
7. *Отчет по Отделу Охраны материнства и младенчества с 1 мая 1918 по 1 мая 1919 г. Наркомата социального обеспечения*. — М.; 1919. — 144 с. [Report on the Department of Maternity and Infancy Health Care from May 1, 1918 to May 1, 1919 of the People's Commissariat of Social Security. Moscow; 1919. 144 p. (In Russ).]
8. ЦГАСО. Фонд Р-158. *Опись 4*. — Ед. хр. 28. — Л. 1, 30. [CSASR. *Fund R-158. Inventory 4*. Archival unit 28. L. 1, 30. (In Russ).]
9. Бравая Р.М. *Охрана материнства и младенчества на Западе и в СССР. Исторический очерк*. — М.: Гос. медицинское издательство; 1929. — 264 с. [Bravaya RM. *Okhrana materinstva i mladenchestva na Zapade i v SSSR. Istoricheskii ocherk*. Moscow: Gos. Medicinskoe izdatel'stvo; 1929. 264 p. (In Russ).]
10. ЦГАСО. Фонд Р-342. *Опись 1*. — Ед. хр. 8. — Л. 25, 72. [CSASR. *Fund R-342. Inventory 1*. Archival unit 8. L. 25, 72. (In Russ).]
11. ЦГАСО. Фонд Р-158. *Опись 3*. — Ед. хр. 39. — Л. 9. [CSASR. *Fund R-158. Inventory 3*. Archival unit 39. L. 9. (In Russ).]
12. ЦГАСО. Фонд Р-342. *Опись 2*. — Ед. хр. 39. — Л. 256, 257. [CSASR. *Fund R-342. Inventory 2*. Archival unit 39. L. 256, 257. (In Russ).]
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд А-482. *Опись 10. Дело 559*. — Л. 8. [State Archive of the Russian Federation (SARF). *Fund A-482. Inventory 10. Case 559*. L. 8. (In Russ).]
14. Семашко Н.А. 10 лет борьбы за детство. — М.; 1931. — С. 7–8. [Semashko NA. *10 let bor'by za detstvo*. Moscow; 1931. pp. 7–8. (In Russ).]
15. ЦГАСО. Фонд Р-158. *Опись 5*. — Ед. хр. 89. — Л. 6, 28, 86. [CSASR. *Fund R-158. Inventory 5*. Archival unit 89. L. 6, 28, 86. (In Russ).]
16. Сызранский филиал ЦГАСО. Фонд НСБ. *Опись 1. Дело 18. Сызранский коммунары. 31 марта 1922*. [Syzran branch of CSASR. *Fund NCB. Inventory 1. Case 18. Syzranskii kommunary. March 31, 1922*. (In Russ).]
17. ЦГАСО. Фонд Р-353. *Опись 1. Дело 19*. — Л. 21–22. [CSASR. *Fund R-353. Inventory 1. Case 19*. L. 21–22. (In Russ).]
18. ЦГАСО. Фонд Р-353. *Опись 1. Дело 27а*. — Л. 1–2 об. Рукопись. Подлинник. [CSASR. *Fund R-353. Inventory 1. Case 27a*. L. 1–2 reverse side. Manuscript. Original version. (In Russ).]
19. СОГАСПИ. Фонд 1. *Опись 1. Дело 705*. Л. 1–3. Подлинник. [SRSASPH. *Fund 1. Inventory 1. Case 705*. L. 1–3. Original version (In Russ).]

20. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. *Население Советского Союза: 1922–1991*. — М.: Наука; 1993. — 143 с. [Andreev EM, Darskii LE, Khar'kova TL. *Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922–1991*. Moscow: Nauka; 1993. 143 p. (In Russ).]
21. ЦГАСО. Фонд Р-342. *Опись 1*. — Ед. хр. 8. — Л. 80, 104, 118, 200. [CSASR. Fund R-342. *Inventory 1*. Archival unit 8. L. 80, 104, 118, 200. (In Russ).]
22. Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области». Фонд Р-2148. *Опись 5*. — Ед. хр. 53. — Л. 2. [Regional State Institution "State Archive of the Saratov Region". Fund R-2148. *Inventory 5*. Archival unit 53. — L. 2. (In Russ).]
23. ЦГАСО. Фонд Р-2148. *Опись 1*. — Ед. хр. 56. — Л. 104. [CSASR. Fund R-2148. *Inventory 1*. Archival unit 56. L. 104. (In Russ).]
24. ГАРФ. Фонд 8009. Наркомздрав СССР. *Опись 21. Дело 22. Основные показатели III пятилетнего плана (1938–1942 гг.) в сети детского здравоохранения (1943 г.)*. — Л. 99. [SARF. Fund 8009. *Inventory 21. Case 22. Osnovnye pokazateli III pyatiletnego plana (1938–1942 gg.) v seti detskogo zdravookhraneniya (1943)*. L. 99 (in Russ).]
25. ЦГАСО. Фонд Р-4054. *Опись 2*. — Ед. хр. 40. — Л. 11–12. [CSASR. Fund R-4054. *Inventory 2*. Archival unit 40. L. 11–12. (In Russ).]
26. Френкин И. К первому Областному совещанию по охране материнства и младенчества // *Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области*. — 1929. — № 4. — С. 5–7. [Frenkin I. K pervomu Oblastnomu soveshchaniyu po okhrane materinstva i mladenchestva. *Voprosy zdravookhraneniya Sredne-Volzhskoi oblasti*. 1929;(4):5–7. (In Russ).]
27. Альбицкий В.Ю., Шер С.А., Серебряный Р.С., Яремчук О.В. Охрана здоровья детей в Советской России во время голода 1932–1933 гг. (по материалам Москвы и Самары) // *Вопросы современной педиатрии*. — 2019. — Том 18. — № 4. — С. 240–246. [Albitskiy VYu, Serebryaniy RS, Sher SA, Yaremchuk OV. Children's Healthcare in Soviet Russia During Soviet Famine (Following Moscow and Samara Data). *Voprosy sovremennoy pediatrii — Current Pediatrics*. 2019;18(4):240–246. (In Russ).] doi: 10.15690/vsp.v18i4.2040
28. ЦГАСО. Фонд Р-973. *Опись 1*. — Ед. хр. 12. — Л. 4–5. [CSASR. Fund R-973. *Inventory 1*. Archival unit 12. L. 4–5. (In Russ).]
29. Хмелькова Н.П. Обзор состояния работы детских учреждений охраны материнства и младенчества в Средне-Волжском крае // *Краевой НИИ ОММ*. — Самара, 1934. — С. 6–10. [Khmel'kova NP. Obzor sostoyaniya raboty detskikh uchrezhdenii okhrany materinstva i mladenchestva v Sredne-Volzhskom krae. In: *Regional Research Institute of the motherhood and infants*. Samara; 1934. pp. 6–10. (In Russ).]
30. Ильинский П.И. Анализ количественного и качественного состояния учреждений по обслуживанию детей раннего возраста в г. Куйбышеве // *Куйбышевский краевой научно-практический институт охраны материнства и младенчества*. — Куйбышев; 1935. — С. 57–62. [Il'inskiy PI. Analiz kolichestvennogo i kachestvennogo sostoyaniya uchrezhdenii po obsluzhivaniyu detei rannego vozrasta v g. Kuibysheve. In: *Kuibyshev regional scientific and practical Institute for maternal and infant health*. Kuibyshev; 1935. pp. 57–62. (In Russ).]
31. *Голод в СССР. 1929–1934. Т. 3: Лето 1933–1934* / отв. сост. В.В. Кондрашин. — М.: МФД; 2013. — 653 с. [Golod v SSSR. 1929–1934. Vol. 3: Leto 1933–1934. Kondrashin VV, ed. Moscow: MFD; 2013. 653 p. (In Russ).]
32. ЦГАСО. Фонд Р-1160. *Опись 1*. — Ед. хр. 4. — Л. 2–3. [CSASR. Fund R-1160. *Inventory 1*. Archival unit 4. L. 2–3. (In Russ).]
33. Ковригина М.Д. *Забота государства о матери и ребенке*. — Горький: Горьковское областное издательство ОГИЗ; 1946. — 35 с. [Kovrigina M.D. *Zabota gosudarstva o materi i rebenke*. Gor'kii: Gor'kovskoe oblastnoe izdatel'stvo OGIZ; 1946. 35 p. (In Russ).]
34. Шаповалова Я.А. *Государственная политика Советского государства в отношении абортов в 1920–1930-е гг.: от разрешения к полному запрету*. [Shapovalova YaA. *The state policy of the Soviet state regarding abortion in the 1920–1930s: from permission to a complete ban*. (In Russ).] Доступно по: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/1-2011-1-2/shapovalova.pdf. Ссылка активна на 24.02.2021.
35. ГАРФ. Фонд А-482. *Опись 29. Дело 57. Статистические сведения о родившихся и населении по городам за 1940 год*. — Л. 3, 17, 21. [SARF. Fund A-482. *Inventory 29. Case 57. Statistical information about the being-born and the population through cities for 1940*. L. 3, 17, 21 (In Russ).]
36. ЦГАСО. Фонд Р-4219. *Опись 1*. — Ед. хр. 29. — Л. 55–63. [CSASR. Fund R-4219. *Inventory 1*. Archival unit 29. L. 55–63. (In Russ).]
37. ЦГАСО. Фонд Р-4054. *Опись 2*. — Ед. хр. — 43. Л. 4, 8–9. [CSASR. Fund R-4054. *Inventory 2*. Archival unit 43. L. 4, 8–9. (In Russ).]
38. ЦГАСО. Фонд Р-4054. *Опись 2*. — Ед. хр. 40. — Л. 11–12. [CSASR. Fund R-4054. *Inventory 2*. Archival unit 40. L. 11–12. (In Russ).]
39. Лебедева В.П. Задачи и пути охраны материнства и младенчества // Сборник статей и речей «Пройденные этапы. Вопросы строительства ОММ» (1921–1927 гг.). — М.; 1927. — С. 58–59. [Lebedeva VP. Zadachi i puti okhrany materinstva i mladenchestva. In: *Collection of articles and speeches: "Proidennyye etapy. Voprosy stroitel'stva OMM"* (1921–1927). Moscow; 1927. pp. 58–59. (In Russ).]
40. ЦГАСО. Фонд Р-4054. *Опись 1*. — Ед. хр. 81. — Л. 39. [CSASR. Fund R-4054. *Inventory 1*. Archival unit 81. L. 39. (In Russ).]
41. Серебряный Р.С., Шер С.А., Яремчук О.В. Роль Центрального и Куйбышевского институтов охраны материнства и младенчества в построении системы охраны здоровья матери и ребенка в СССР (1922–1940 гг.) // *Вопросы современной педиатрии*. — 2016. — Т. 15. — № 1. — С. 20–24. [Serebryany RS, Sher SA, Yaremchuk OV. The Role of the Central and Kuibyshev Institutes of Maternal and Child Welfare in the Creation of Maternal and Child Health Care Service in the USSR (1922–1940). *Voprosy sovremennoy pediatrii — Current Pediatrics*. 2016;15(1):20–24. (In Russ).] doi: 10.15690/vsp.v15i1.1496
42. ЦГАСО. Фонд Р-4219. *Опись 1*. — Ед. хр. 4а. — Л. 1–2. [CSASR. Fund R-4219. *Inventory 1*. Archival unit 4a. L. 1–2. (In Russ).]